
**«Руководить войсками на поле боя,
отрешившись от глупой и вредной линейной тактики»:
основная причина военной катастрофы
1941 г. в Белоруссии**

Иван Басюк

Потери войск Западного фронта в Белорусской стратегической оборонительной операции 22 июня – 9 июля 1941 г. составляли 417 729 солдат и офицеров (всего в боях участвовали 625 тыс. человек¹). У противника, согласно записи начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера в его военном дневнике от 6 июля 1941 г., потери на 3 июля 1941 г. по всему Восточному фронту (три группы армий – «Юг», «Центр», «Север») составили 54 тыс. человек². Можно предположить, что на войска группы армий «Центр» приходилась треть от этого числа, т.е. в пределах 18 тыс. человек. Если учесть, что за всю Вторую мировую войну Франция потеряла 600 тыс. человек, Англия – 370 тыс., США – около 300 тыс.³, становится понятным, почему события, произошедшие на белорусской земле в самом начале Великой Отечественной войны, исследователи называют военной катастрофой.

Западный фронт за первые 18 суток войны лишился более половины своего личного состава, складов горючего и боеприпасов. Уже в первый военный день авиация фронта потеряла 738 самолётов (528 из них были уничтожены противником на аэродромах)⁴, среди которых имелись и новейшие типы советских машин, не уступавшие по своим характеристикам немецким. В результате враг захватил полное и безраздельное господство в воздухе Белоруссии, а войска Западного фронта, потеряв управляемость и боеспособность, оказались не в силах выполнить возложенную на них задачу – прикрыть стратегическое направление на Смоленск и Москву. Отмечу, что это был уникальный в военной истории XX в. случай. Менее, чем за три недели боевых действий, фронт как оперативно-стратегическая единица фактически прекратил своё существование.

Среди десятков причин этой трагедии в Белоруссии, названных военачальниками, военными теоретиками и историками, основными считаются следующие: несвоевременно приведены в боеготовность войска Западного Особого военного округа (ЗапОВО); не созданы приграничные группировки, адекватные немецким; значительное ослабление командного состава округа предвоенными репрессиями; нахождение ряда дивизий в стадии формирования; незавершённое строительство приграничных укреплённых районов; расположение артиллерийских частей на полигонах, удалённых от своих стрелковых частей

© 2015 г. И.А. Басюк

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / Под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 163.

² Гальдер Ф. Военный дневник 1941–1942 / Пер. с нем. И. Глаголева. М.; СПб., 2003. С. 94.

³ История Второй мировой войны. 1939–1945: В 12 т. Т. 12. М., 1982. С. 151.

⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), ф. 208, оп. 2511, д. 207, л. 22.

на сотни километров; скученное сосредоточение авиации округа на основных аэродромах, а не на запасных; расположение складов боеприпасов и горючего в зоне досягаемости самолётов и даже артиллерии противника; беспечность со стороны представителей командования округа (так, 21 июня 1941 г. командующий войсками округа и его заместитель отдыхали на вечернем спектакле «Свадьба в Малиновке»⁵).

Что же явилось главной причиной, предопределившей военную катастрофу в Белоруссии? На мой взгляд, ею стала применяемая тогда советским командованием в сухопутных войсках линейная тактика. Она «заключалась в равномерном расположении войск по фронту, в построении их для боя в 2–3 линии... и в стремлении вести бой преимущественно огнём»⁶ и была антиподом манёвренной тактики, которая требует подвижности, быстроты действий войск, позволяет осуществлять «решительное проникновение в глубину боевого построения противника и нанесение ударов во фланг и тыл в целях его разгрома в короткие сроки»⁷.

Здесь уместен вопрос: было ли в предвоенные годы у высшего руководства Советского Союза правильное представление о вероятном противнике, его стратегии и тактике для создания адекватных планов обороны страны и системы подготовки Красной армии? Согласно многочисленным источникам, лично И.В. Сталин и всё советское руководство ясно представляли и мощь фашистской Германии, и неотвратимость войны (неизвестно было лишь о времени её начала), знали и о качественно новой стратегии «молниеносной» войны, на основе которой вермахт более двух лет вёл боевые действия в Европе. Так, в мемуарах Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова приводится состоявшаяся в феврале 1941 г. беседа со Сталиным, где тот откровенно заявил: «Пребывать вне войны до 1943 года, мы конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы останемся вне войны»⁸. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль также вспоминал, что в 1942 г. Сталин сказал ему: «Я знал, что война начнётся, но я думал, мне удастся выиграть ещё месяцев шесть или около года»⁹.

В связи с этим важно выяснить: находились ли перед войной в центре внимания военного руководства СССР стратегия и тактика его потенциального противника, учитывались ли они в планах обороны, прикрытия советской западной границы, вносились ли коррективы в систему подготовки РККА? Замечу, что даже газетные публикации того времени подробно, в деталях описывали манёвренную тактику немцев – стремительное передвижение механизированных частей и соединений вермахта, обходы, захваты, блокирование важных опорных пунктов. Для советских военачальников тогда не являлись секретом новые принципы германской наступательной доктрины – окружение и уничтожение противника, использование комбинированного применения войск в наступательном бою, согласованных действий бронетехники, моторизованной пехоты, артиллерии и авиации. При этом решающими условиями успеха в наступлении считались превосходство на главных направлениях в численности и огневой мощи, массированное использование танков, внезапность, координация боевых действий различных родов войск под единым командованием.

⁵ *Болдин И.В.* Страницы жизни. М., 1961. С. 83.

⁶ Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 404.

⁷ Там же. С. 421.

⁸ *Мерецков К.А.* На службе народу: страницы воспоминаний. М., 1969. С. 202.

⁹ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 4. Кн. 2. М., 1991. С. 522.

В Германии понимали, что время линейной тактики безвозвратно ушло, наступил период сосредоточения основной части тяжёлого вооружения и резервов на направлениях главного удара (Schwerpunkt), а на других участках фронта можно было иметь лишь отвлекающие силы¹⁰.

Манёвренная тактика принесла вермахту ошеломляющие успехи – в 1939–1941 гг. на разгром и оккупацию Дании ему потребовался один день, Голландии – пять, Бельгии – 19; Польши – 35; Франции – 44; Норвегии – 63 дня. Как же этот опыт боевых действий немецких войск в Европе оценили в Москве? Нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко на проходившем в декабре 1940 г. совещании высшего военного руководства РККА заявил: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе не даёт нам ничего нового»¹¹.

Вместе с тем проект Полевого устава РККА 1939 г. зафиксировал важнейшие принципы манёвренной тактики как необходимое условие успеха в современном бою. В проекте указывалось, что победа должна была достигаться решительным превосходством над врагом на главном направлении, взаимодействием родов войск для «глубокого вторжения в глубину боевого порядка противника... быстрого обнажения флангов противника и их внезапного обхода с целью атаки в тыл» (ст. 13). Важнейшим условием успеха называлось «постоянное стремление достичь превосходства над противником в решающем пункте путём скрытой перегруппировки, быстроты и внезапности действий» (ст. 11). Значительное место в проекте отводилось инициативе командиров: «Упрёка заслуживает не тот, кто в стремлении уничтожить врага не достиг цели, а тот, кто, боясь ответственности, остался в бездействии и не использовал в нужный момент всех сил и средств для достижения победы» (ст. 15).

Однако все эти правильные установки проекта Полевого устава остались лишь на бумаге, о чём свидетельствуют итоги последнего перед войной крупного командно-штабного учения, проведённого в Белоруссии в сентябре 1940 г. под руководством наркома обороны Тимошенко. В учении были задействованы два корпуса – механизированный и стрелковый – с целью отработать их взаимодействие в полевых условиях. Стрелковому корпусу ставилась задача прорыва обороны «противника» с форсированием водной преграды – р. Супрасль, а последующий затем успех планировалось закрепить и развить путём ввода в прорыв частей механизированного корпуса¹².

Учение прошло неудачно, фактически войска с поставленными задачами не справились. Выступивший 3 сентября 1940 г. в Белоруссии нарком обороны Тимошенко произвёл разбор итогов командно-штабного учения, увязав их с итогами Советско-финляндской кампании 1939–1940 гг. По словам наркома, война с Финляндией выявила значительные недостатки в советском

¹⁰ Молот войны: Полная энциклопедия немецкой армии 1939–1945 гг. / Пер. с англ. А. Жабцева. Минск, 2010. С. 178.

¹¹ Кульков Е.Н. Война 1941–1945: факты и документы. М., 2001. С. 45.

¹² Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939–1941 г.): Документы и материалы / Сост. В.И. Адамушко [и др.]. Минск, 2007. С. 200. Проект Полевого устава РККА 1939 г. (разработан вместо устаревшего Полевого устава 1936 г.) предполагалось утвердить на заседании Главного военного совета Красной армии 25 июня 1941 г., но начавшаяся Великая Отечественная война не позволила этого сделать. В 1941 и 1942 гг. в СССР были изданы проекты Полевых уставов Красной армии, учитывающие опыт войны, а в послевоенные годы введены новые уставы, разработанные на основе полученного опыта и развития современных видов оружия и боевой техники.

военном строительстве: «Командиры и штабы, не имея практического опыта современной войны, не умели по-настоящему организовать усилия войск и их взаимодействие, а главное – не умели по-настоящему ими командовать»¹³. Кроме того на учении в ЗапОВО во многом повторились ошибки и недостатки Советско-финляндской войны, в частности, не удалось осуществить взаимодействие авиации и наземных войск: «Штабы авиации не знали, что делается в 1-м стрелковом корпусе и в механизированном корпусе, а командиры частей и штабы не представляли воздушной обстановки»¹⁴. Не получилось на учении организовать и взаимодействия артиллерии и стрелковых частей, в результате «противник» получил возможность открыть «огонь переднего края по пехоте и сорвать её атаку»¹⁵. Неудачными оказались и действия механизированного корпуса, который «по существу не смог войти в прорыв, а если и вошёл бы, то понёс бы большие потери и не выполнил бы поставленной ему задачи»¹⁶.

Также Тимошенко выявил другие нетерпимые просчёты и недостатки, существенно подрывавшие боеготовность советских войск. Например, в частях раньше запланированного времени закончились боеприпасы, а подвоз их налажен не был¹⁷, приказы, содержащиеся в оперативных документах, штабы исполняли небрежно и несвоевременно. Так, «чтобы доставить оперативную сводку в полк, который находился от штаба дивизии всего в 1.5 километрах, потребовалось... 10 часов»¹⁸.

По итогам учений нарком сделал нелицеприятные выводы: «Штабы дивизий и корпусов не сколочены как органы управления», командные пункты «чрезмерно разбросаны», в ходе учений было «трудно установить, где кто работает, и ещё труднее вызвать необходимое должностное лицо»¹⁹. Особенно неудовлетворительно показала себя войсковая связь (нерв управления): «От той связи, которую... нам преподнесли на этом учении, немедленно откажемся»²⁰. Были выявлены также крупные просчёты в организации разведки и тыловом обеспечении войск, которое, по образному выражению маршала, «у нас очень хромает»²¹. Таким образом, учение в Белоруссии показало неудовлетворительную подготовку командиров и штабов, их неумение вести манёвренные боевые действия и отсутствие у них практики организации крупных войсковых операций. Следовательно, в таких условиях для Красной армии становилось крайне важным организовывать масштабные манёвры и учения с целью приобретения штабами и командирами необходимого опыта системного, устойчивого управления войсками в будущей манёвренной войне. Однако тогда, в 1940 г., нарком обороны заявил, что в РККА «мы решили... не проводя больших манёвров и больших учений (которыми мы в прошлые годы увлекались), добиться настоящей подготовки роты, батальона и полка. Добиваться того, чтобы эти наши частицы, из которых, в конце концов, создаётся мощь нашей армии, были бы подготовлены так, как это нам нужно»²².

¹³ Там же. С. 198.

¹⁴ Там же. С. 202.

¹⁵ Там же. С. 201.

¹⁶ Там же. С. 202.

¹⁷ Там же. С. 201.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 203.

²⁰ Там же. С. 203, 204.

²¹ Там же. С. 206.

²² Там же. С. 198.

Значит, ни уроки финской кампании, ни провал учения в Белоруссии не изменили ошибочного подхода наркома обороны СССР Тимошенко к системе подготовки войск, их органов управления и обеспечения. Советское командование не собиралось учитывать особенности манёвренной войны в Европе, так и не смогло отойти от схем и догм безнадежно устаревшей, не соответствовавшей времени линейной тактики. Видимо, в суете бесчисленных предвоенных проблем руководство Советского Союза упустило из вида известную ещё с античных времён мудрость: «Bellum indiget celeritatis» («Война требует быстроты»).

В декабре 1940 г. А. Гитлер подписал директиву № 21 – план «Барбаросса», согласно которому «германские вооружённые силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании... основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев»²³. Также предполагалось, что группа армий «Центр», «сосредоточив свои главные силы на флангах, раскалывает вражеские силы в Белоруссии. Подвижные соединения, наступающие южнее и севернее Минска, своевременно соединяются в районе Смоленска»²⁴. Так при подготовке к войне против СССР для Германии началась фаза практических действий.

При этом возникают вопросы: знало ли о плане «Барбаросса» и об имевшейся у германского командования установке на «молниеносную» войну высшее руководство СССР, и была ли у него реальная возможность своевременно отреагировать на манёвренную войну и коренным образом перестроить советские планы обороны, в том числе и по прикрытию западной государственной границы? На сей счёт исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих мемуарах, например, отмечает, что 20 марта 1941 г. начальник Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал-лейтенант Ф.И. Голиков представил руководству СССР доклад, в котором «излагались варианты возможных ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана “Барбаросса”»²⁵. Однако через несколько страниц маршал уже утверждает обратное: «Кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план “Барбаросса”... Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали»²⁶. Эту позицию Жукова поддерживают и военные историки О.А. Ржешевский, Е.Н. Кульков и М.Ю. Мягков: «Версия, будто Сталин знал сроки нападения Германии на СССР, необоснованна»²⁷. Имеются и совершенно иные предположения и суждения. Так, сын Л.П. Берия Сергей свидетельствует, будто отец говорил ему, что уже в начале 1941 г. план «Барбаросса» был добыт советской разведкой и доложен Сталину²⁸. Немецкий военный историк П. Карель также утверждает, что Сталин знал не только о плане «Барбаросса»,

²³ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 886, 887.

²⁴ Директива по сосредоточению войск (План «Барбаросса»). 31.01.1941 / Публ. С.В. Биленко, А.В. Костенецкого // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 37.

²⁵ Жуков Г.В. Воспоминания и размышления. В 2 т. Изд. 2, доп. Т. 1. М., 1974. С. 257.

²⁶ Там же. С. 259.

²⁷ Кульков Е.Н. Указ. соч. С. 48.

²⁸ Чилачава Р.Ш. Сын Лаврентия Берия рассказывает... Киев, 1992. С. 43–44.

но даже и о сроках нападения на СССР, которые назначал и переносил Гитлер²⁹. Эту позицию подтверждает в своих мемуарах и адъютант Гитлера Н. фон Белов³⁰. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок 11 марта 1941 г. записал в своём дневнике: «Разведка, однако, убеждена, что русские знают о наших военных приготовлениях»³¹.

Думаю, что план «Барбаросса» если не во всех деталях, то в разрезе основных задач заблаговременно был известен высшему политическому и военному руководству СССР, но как же оно отреагировало на этот план? Видимо, искать ответ следует в предвоенных советских оперативных планах, выяснив, по какому принципу (методу) – линейной или манёвренной тактики – планировалось прикрытие передовой линии обороны Советского Союза, т.е. западной государственной границы.

14 мая 1941 г. командующему войсками ЗапОВО была направлена директива наркома обороны и Генштаба № 503859/сс/ов (совершенно секретно, особой важности), ставшая основой для разработки штабом округа всех документов, связанных с прикрытием государственной границы. В директиве ставилась задача «не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа»³², т.е. удержать всю границу линейно. Вместо формирования адекватных немецким советских приграничных группировок штаб округа разбил приграничную полосу на четыре района прикрытия, закреплённые за 3, 4, 10-й и находящейся ещё в стадии формирования 13-й армиями, командующие которых назначались начальниками этих районов и несли полную ответственность за их прикрытие³³. Линия границы распределялась следующим образом: 3-я армия – 120 км, 10-я – 200, 4-я – 150 км; после окончания формирования 13-й армии её войска должны были занять полосу обороны между 10-й и 4-й армиями³⁴. Директивой определялись и возможные варианты (сценарии) боевых действий по прикрытию границы. В случае вражеского нападения войска округа переходили к обороне (в её основе – стойкое удержание укреплённых районов по всей линии границы), которая носила характер активных боевых действий. Попытки неприятеля прорвать оборону ликвидировались контратаками корпусных и армейских резервов. В случае же прорыва фронта крупными мотомеханизированными частями противника его ликвидация возлагалась на командование округа. Механизированные корпуса под прикрытием противотанковых бригад фланговыми и концентрическими ударами вместе с авиацией, нанеся окончательное поражение вражеским механизированным частям, должны были ликвидировать прорыв. Для обеспечения боевых действий требовалось «отрекогносцировать и подготовить тыловые рубежи на всю глубину обороны

²⁹ Карель П. Восточный фронт. Книга первая: Гитлер идёт на Восток. 1941–1943. М., 2003. С. 45–46.

³⁰ Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945 / Пер. с нем. Г. Рудого. Смоленск, 2003. С. 477.

³¹ Бок Ф. фон. «Я стоял у ворот Москвы»: дневник командующего группой армий «Центр». М., 2009. С. 20.

³² Командующему войсками Западного Особого военного округа: Директива народного комиссара обороны СССР № 503859 (сс) от 14 мая 1941 г. / Публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Сёмина // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 5.

³³ Записка по плану действий войск в прикрытии на территории Западного Особого военного округа // Там же. С. 7.

³⁴ Басюк И.А. Западный фронт в начальном периоде Великой Отечественной войны. Гродно, 2013. С. 143.

по вкл. р. Березина»³⁵. На случай вынужденного отхода войск округа в директиве отмечалось: «Разработать согласно особым указаниям план эвакуации фабрик, заводов, банков и других хозяйственных предприятий, правительственных учреждений, складов военного и государственного имущества, военнообязанных, средств транспорта»³⁶. Итак, директива требовала линейного удержания всей границы, что явно противоречило требованиям проекта Полевого устава РККА 1939 г., в 11-й статье которого было записано: «Быть всюду одинаково сильным нельзя. Победа достигается решительным превосходством над противником на главном направлении... На второстепенных направлениях нужны силы лишь для сковывания противника». В директиве даже не упоминались приграничные немецкие группировки в районах Бреста и Сувалок – 50 немецких дивизий, 820 тыс. человек личного состава, более 10 тыс. стволов артиллерии и миномётов, более 800 танков³⁷. Не ставились также задачи, связанные с адекватным ответом на сосредоточение немецких войск и с созданием аналогичных советских приграничных группировок. Как же командование ЗапОВО реагировало на столь очевидные ошибки данной директивы, пыталось ли оно изменить дислокацию своих войск и привести собственные оперативные планы в соответствие с требованиями проекта Полевого устава РККА 1939 г.?

Исследованные мною документы свидетельствуют, что военный совет округа выдвигал перед Генштабом предложения об изменении районов дислокации приграничных армий, неудачно расположенных в белостокском выступе, вогнутом в сторону неприятеля. Такое расположение советских войск, сообщало командование округа, «очень выгодно противнику и чрезвычайно невыгодно нам», потому что «в результате даже небольших успехов со стороны немцев сразу резали бы тылы 3 и 4 армий, а при большем успехе отрезалась бы вся 10 армия»³⁸. По свидетельству члена военного совета округа корпусного комиссара А.Я. Фоминых, хотя соображения, просьбы и предложения командования округа рассматривались в Генштабе и там с ними «соглашались, но реальных мер не принималось»³⁹. «Я знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверяли, что всё в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать», – заявил командующий войсками Западного фронта генерал армии Д.Г. Павлов на судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 22 июля 1941 г.⁴⁰ И сегодня абсолютно понятен смысл сказанного тогда Павловым: «Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что *недостаточно готовились в мирное время к этой войне*» (курсив мой. – И.Б.)⁴¹.

Линейное расположение войск ЗапОВО вдоль государственной границы привело к тому, что в первый день войны на правом фланге приграничной по-

³⁵ Командующему войсками Западного Особого военного округа... С. 5.

³⁶ Там же. С. 6.

³⁷ Басюк И.А. Западный фронт... С. 160.

³⁸ Накануне... С. 390.

³⁹ Там же. С. 391.

⁴⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 382. 22 июля 1941 г. генерал армии Д.Г. Павлов по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР за «трусость, бездействие власти, нераспорядительность», а также за «развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями Красной армии» был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. В 1957 г. посмертно реабилитирован и восстановлен в звании.

⁴¹ Там же. С. 391.

лосы против сосредоточенных клином на фронте 50 км 600 немецких танков вовсе не оказалось советских, а на левом фланге только 22-я танковая дивизия Западного фронта, находившаяся в состоянии неготовности, противостояла 800 танкам противника (см. табл.).

Таблица

Соотношения в полосах наступления сил первых эшелонов немецких танковых групп и советских приграничных частей 22 июня 1941 г.

Немецкие танковые группы	Состав первого эшелона танковых групп	Фронт наступления танковых групп (км)	Соединения советских войск в полосе наступления немецких танковых групп, размещённых в районе границы
2-я	3, 4, 17, 18-я танковые дивизии (более 800 танков)	70	Части 6, 42, 75-й стрелковых дивизий, 22-я танковая дивизия (в состоянии неготовности)
3-я	7, 12, 20-я танковые дивизии (более 600 танков)	50	128-я стрелковая дивизия, полк 188-й стрелковой дивизии

Составлено по: Готт Г. Танковые операции. М., 1961. С. 12, 13.

Уже на шестой день войны, 28 июня 1941 г., не встречая на своём пути достойного отпора, передовые части немецких танковых групп соединились под Минском, войска трёх советских армий оказались в полном окружении в «новогородском котле»⁴². По данным нового командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта А.И. Ерёмченко, назначенного на эту должность 30 июня 1941 г., на 1 июля в этот «котёл» попали 11 дивизий 3, 10 и 13-й армий⁴³.

Окружённые советские войска находились в лесисто-болотистой Налибокской пуще, внешняя линия окружения была вытянута более чем на 400 км. Попавшие в «новогородский котёл» советские дивизии (в том числе три танковые и механизированные) оказались разобщены, не имели единого командования, снабжения и не могли оказывать организованного сопротивления противнику. Однако немецкое командование было серьёзно обеспокоено их действиями: планом ликвидации этого «котла» (по немецкой терминологии – «мешка») ⁴⁴ под Новогрудком занимался лично Гитлер и высшие должностные лица вермахта – помимо Гальдера и Бока ещё и генерал-фельдмаршал В. фон Браухич⁴⁵.

В результате 10-дневных боёв, записано в журнале боевых действий Западного фронта, «противнику удалось вторгнуться на нашу территорию на глубину 350–400 километров и достигнуть реки Березина»⁴⁶. На рубеж реки и южнее из 44 дивизий Западного фронта вышли немногим более 10, хотя дивизиями их назвать трудно – многие из них имели в своём составе менее тысячи человек. Все отошедшие части, по оценке командования фронта, были крайне измотаны, без тяжёлого вооружения, малочисленны, поэтому требовали срочного «пере-

⁴² На окружённой советской группировкой территории самым крупным населённым пунктом оказался небольшой районный г. Новогрудок (ныне в Гродненской обл., Беларусь), ставший для штабов ориентиром «котла» (Басюк И.А. Новогрудский «котёл». Гродно, 1998. С. 106–117).

⁴³ Ерёмченко А.И. В начале войны. М., 1964. С. 76.

⁴⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 70.

⁴⁵ Басюк И.А. Новогрудский «котёл». С. 118–125.

⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 207, л. 67.

формирования и доукомплектования»⁴⁷. В журнале боевых действий Западного фронта сделана запись и о тактике действий войск противника: «Характерной особенностью немецких ударов было стремительное передвижение вперёд, не обращая внимания на свои фланги и тылы. Танковые и моторизованные соединения двигались до полного расхода горючего»⁴⁸. Отсутствие советских группировок на направлениях главных ударов немецких войск обеспечили им невиданную ранее скорость продвижения. «Средний темп наступления немцев за первые пять суток до 60 километров в сутки, а за весь период с 22 по 30.06 – до 45 километров в сутки... – отмечается в журнале боевых действий Западного фронта. – Наступление немцев было настолько стремительным, что не дало возможности организовать как следует оборону»⁴⁹. По мнению командования Западного фронта, всё это объяснялось тем, что враг «на направлениях главных ударов сосредотачивает почти все свои имеющиеся силы, ограничиваясь на остальных направлениях незначительными частями или даже вовсе не имея там сил, ведя лишь разведку»⁵⁰.

Манёвренная тактика немцев предполагала не только стремительные действия их передовых частей на фронте, но и удары по объектам в глубоком тылу, что нарушало системы коммуникаций, органов управления и снабжения советских войск. Противник направлял свои удары двумя способами – «ожесточёнными действиями авиации... по глубоким тылам и коммуникациям» и решительными действиями по тылам «небольших десантных отрядов»⁵¹.

Тактика маневрирования принесла вермахту ощутимый успех – в июле 1941 г. пал Смоленск, последний крупный город на московском стратегическом направлении, а в конце ноября – начале декабря немцы подошли к столице. Это вызвало эйфорию среди высшего руководства Германии. 4 июля Гитлер произнёс: «Я всё время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну проиграл... мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских... Русские не смогут их восстановить»⁵². 3 июля 1941 г. Гальдер в своём военном дневнике оставил такую запись: «Восточнее Западной Двины и Днепра мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьёзно помешать наступлению германских войск... Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней»⁵³.

Однако в тот же день Сталин, выступая по радио, уверенно заявил: «Наши силы неисчислимы, зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом»⁵⁴. Действительно, советское правительство в короткие сроки, ценой невероятных усилий, сумело мобилизовать все силы страны на отпор врагу. Красная армия не только получила нужное пополнение людьми и техникой, но и, несмотря на большие трудности и потери, училась воевать по-новому, исправляя ошибки довоенного оборонного строительства.

⁴⁷ Там же, л. 68.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, л. 60.

⁵¹ Там же, л. 69.

⁵² «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 258.

⁵³ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 77.

⁵⁴ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. СПб., 2010. С. 13.

Отмечу, что связанные с этим проблемы, в том числе относительно линейной тактики, в трудах военных теоретиков и историков, мемуарах военачальников трактуются неоднозначно. В частности, Жуков в своих воспоминаниях обходит стороной все предвоенные ошибки, уверяя, что тогда «мы шли верным путём... я не могу назвать какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших вооружённых сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить». По оценке маршала, «период же с 1939 года до середины 1941 года характеризовался в целом такими преобразованиями, которые дали Советской стране блестящую армию и подготовили её к обороне»⁵⁵.

Совершенно иное отношение к линейной тактике, уже исходя из трагичного опыта начала войны, сложилось у Сталина, хотя его «прозрение» запоздало и было оплачено миллионами солдатских жизней. 23 февраля 1943 г. Верховный главнокомандующий издал приказ, в котором подвёл итоги «20 месяцев боевых действий» на советско-германском фронте и определил очередные задачи РККА. Самым важным достижением командиров и штабов, отмечалось в приказе, является то, что «они научились сочетать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя, *отрешившись от глупой и вредной линейной тактики* и став прочно на почву *тактики маневрирования*» (курсив мой. – И.Б.)⁵⁶. В результате «правильная стратегия командования Красной армии» в сочетании с «гибкой тактикой наших командиров-исполнителей», привела к «выдающимся результатам» – прежде всего к окружению и ликвидации «огромной отборной армии немцев в составе 330 тысяч человек под Сталинградом»⁵⁷.

Переход к манёвренной войне позволил советскому командованию решить и ещё одну крайне важную задачу – при проведении масштабных стратегических оборонительных операций добиваться существенного сокращения людских потерь: если в Белорусской участвовали более 625 тыс. человек, и средне-суточные потери личного состава были самые большие за всю войну – более 23 тыс. человек, то в Московской (30 сентября – 5 декабря 1941 г.; 1 млн 250 тыс. солдат и офицеров) эти потери составили 9 825, Сталинградской (17 июля – 18 ноября 1942 г.; 547 тыс.) – 5 151, Курской (5 – 23 июля 1943 г.; более 1 млн 272 тыс.) – 9 360 человек. Даже в Белорусской стратегической наступательной операции (27 июня – 29 августа 1944 г.; более 2 млн 331 тыс.) среднесуточные потери были более, чем в 2 раза меньше, нежели в оборонительной операции 1941 г. – 11 тыс. 262 человека⁵⁸.

Таким образом, основополагающей причиной военной катастрофы 1941 г. в Белоруссии стала линейная тактика, которая как неверное основное звено в цепи управленческих решений потянуло за собой серьёзные ошибки советского военного руководства, одной из которых являлась попытка равными силами удержать всю 400-километровую линию западной государственной границы. Только благодаря применению со стороны советских штабов и командиров манёвренной тактики и активному использованию современных методов ведения боевых действий, даже в условиях многократного возрастания масштабов операций и ожесточённости сопротивления противника, РККА стала добиваться решающих успехов на фронтах Великой Отечественной войны.

⁵⁵ Жуков Г.В. Указ. соч. Т. 1. С. 255.

⁵⁶ Сталин И.В. Указ. соч. С. 83.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Памяти павших. Великая Отечественная война (1941–1945). М., 1995. С. 94–100.